

Я сидел на корточках и не двигался. Слёзы быстро капали, собравшись на земле в крошечную лужицу. В ней тонул муравей. Он отчаянно барахтался — так смешно и нелепо.

Тут меня наконец догнали запыхавшиеся Сяфэн и Дунцзы.

Дунцзы в сердцах топнул ногой:

— Этот Сюй совсем стыд потерял, опять расстроил нашего принца! Ваше Высочество, только скажите слово — я мигом найду кого нужно, и мы его проучим!

Я не мог вымолвить ни слова.

У дурачков ведь очень маленькие мысли. Если туда забирается грусть, в голове больше ни для чего не остаётся места.

Сяфэн и Дунцзы присели со мной рядышком, слева и справа. Мы вместе смотрели на несчастного муравья, который никак не мог выбраться из лужи.

Сколько мы так просидели, я не знал. Вдруг откуда-то сверху донёсся чистый, звонкий голос:

— Сяо Сань-эр, ты чего тут присел?

Он взял меня за руку и поднял на ноги. Теперь смолчать было нельзя, и я робко пролепетал:

— Старший брат...

Это был Чу Цзюнь, мой старший брат и наследный принц династии Чу.

Он наступил на того муравья, раздавив его и даже не заметив. Посмотрев на моих слуг, он строго спросил:

— Третий принц не понимает, но вы-то куда смотрите? Как можно позволять ему сидеть на таком сквозняке?

Повернувшись ко мне, Чу Цзюнь потеплел лицом и мягко произнёс:

— Ну же, пойдём. Я отведу тебя к матушке-императрице.

Он появился и в один миг со всем управился. По дороге он благосклонно улыбнулся чиновникам и стражникам, которые поспешно кланялись нам. Чу Цзюнь держался легко и

уверенно. Наверное, такими и бывают по-настоящему умные люди. Неудивительно, что Сюй Цинцзэ выбрал его, а не меня.

Я глупо спросил:

— Старший брат, а как мне стать таким же умным, как ты?

Если бы я поумнел, вдруг Сюй Цинцзэ захотел бы со мной играть?

Чу Цзюнь на мгновение растерялся, но тут же рассмеялся:

— Ну и глупый же ты у меня.

В покоях императрицы Чу Цзюнь отвесил почтительный поклон, но матушка-императрица встретила его сухо.

Едва старший брат ушёл, она отвернулась от меня. Матушка сердилась. Должно быть, ей уже донесли, как я шумел и бегал по всему дворцу за Сюй Цинцзэ.

Я робко позвал её:

— Матушка...

Плечи её мелко вздрагивали. Лишь спустя долгое время она повернулась ко мне. Её глаза покраснели от слёз, но лицо снова приняло величавое и строгое выражение, подобающее императрице. Посмотрев на меня, она удержала гнев, и её облик смягчился:

— И-эр, подойди ко мне.

Я подошёл. Достав шёлковый платок, она принялась бережно вытирать мне уголки губ:

— Опять ел зелёное бобовое печенье?

— Отец-император дал, — ответил я.

Она посмотрела на меня с ещё большей нежностью. Мы оба молчали. В эту минуту я очень сильно любил её.

Но я тут же добавил:

— Сюй Цинцзэ не любит меня из-за того, что я перепачкался этим печеньем?

Вся мягкость с матушки слетела в одно мгновение. Она с силой прижала платок к моим губам, так что я невольно шикнул от боли.

— Ах ты глупый, глупый мальчишка!

Она резко отвернулась и снова разрыдалась. Матушка закрыла лицо руками, плечи её отчаянно затряслись, будто я только что совершил самое страшное святотатство.

Я глупо застыл на месте, растерянно слушая, как она сквозь рыдания приказывает служанкам высечь моих слуг — дать каждому по десять ударов бамбуковыми палками и заставить стоять на коленях четыре шичэня.

— Матушка... — поспешно позвал я.

Но она разрыдалась ещё громче, заглушая мои слова, и я замолчал, не смея больше перечить.

Ночью во дворце императрицы погасили огни. Я тихонько выскользнул из постели и пробрался на задний двор. Мои слуги всё ещё стояли там на коленях.

Я достал из-за пазухи бумажный свёрток с тремя остывшими баоцзы. Два я отдал Дунцзы, а один протянул Сяфэну.

— Ваше Высочество... — тихо позвал Сяфэн.

По его голосу я сразу понял: он догадался, почему я разделил угощение именно так. Сяфэн умный, мне и говорить ничего не пришлось — он сам всё понял.

— Когда глава Секретариата отказался принять ваше зелёное бобовое печенье, я испугался, что вы расстроитесь, поэтому и промолчал. Это моя вина, Ваше Высочество, — прошептал Сяфэн.

Я замер. Он был таким сообразительным, что я уже давно простил его в душе.

— Я лишь хотел, чтобы вы радовались, и не желал вам грусти, — добавил Сяфэн.

У него так хорошо получалось говорить правильные вещи, что от моей обиды не осталось и следа.

— Хорошо, тогда пусть Дунцзы ест мясную начинку, а тебе достанется тесто. Вот и получится, что каждый из вас съест по три баоцзы!

Уйдя со двора, я не стал возвращаться к себе. Вместо этого я побрёл к главным дверям покоев матушки-императрицы, надеясь вымолить пощаду для своих слуг. Яркие дворцовые фонари давно погасли, лишь в четырёх углах тускло мерцали свечи.

В тишине я отчётливо услышал голос отца-императора:

— Тебе нельзя быть столь суровой к И-эру, иначе ты лишь разрушишь вашу сыновнюю привязанность.

Следом донёсся дрожащий от слёз голос матушки:

— А что мне делать?.. Разве я не хочу, чтобы у него всё было хорошо? Когда ты был наследным принцем, а я — твоей главной супругой, мы договорились, что мой первенец станет следующим императором. Но прошли годы, и ты сделал наследником сына другой женщины!

Отец возразил:

— Но ведь И-эр не сможет нести это бремя! Иньсу, взгляни на вещи разумно. Для него самого будет благом прожить всю жизнь в покое и достатке, оставаясь беззаботным праздным князем.

— Ты просто клеймишь его глупцом! — её голос резко сорвался на крик, перемежающийся рыданиями. — Он не глупый! Он просто чист душой, совсем как ребёнок, и принимает всё слишком близко к сердцу. Кому, как не матери, знать собственное дитя?

Матушка... Она ведь тоже без конца называла меня дурачком. Так, значит, в глубине души она верит в меня?

На золочёную напольную плитку с негромким всплеском упала слеза. Я и не заметил, как заплакал.

Матушка всхлипнула и продолжила:

— Если трон займёт Чу Цзюнь, что станет со мной? Его мать, наложница Ли, всегда со мной враждовала. Сам наследный принц жесток и безжалостен, а И-эр... с его-то кротким нравом? Как нам двоим тогда выжить в этом дворце?!

— Наследный принц благонравен и кроток, — примирительно отозвался отец. — Он всегда почитал тебя как мать, да и к И-эру относится с теплотой. О чём тебе беспокоиться?

— Не говори мне этого! — матушка снова судорожно вздохнула. — Ты обещал мне, Линхао. Ты ведь обещал! Дай ему хотя бы шанс, позволь попробовать... Пусть он присутствует на утренних докладах, пусть общается с сановниками. Вдруг он справится?

Отец долго молчал, прежде чем глухо вздохнуть:

— Ладно. Дай мне подумать.

На следующее утро я проснулся, едва тёплые лучи солнца коснулись постели.

Рядом сидела нарядная, благородная женщина. От неё исходил дивный, родной аромат цветущей груши.

Запах матушки прогнал сонную дымку, и разум мой мгновенно прояснился. Я сразу вспомнил, где нахожусь и кто я такой.

Я тихонько позвал:

— Мама.

От этого простого слова сердце самой могущественной женщины Поднебесной растаяло. Она шутливо нахмурилась:

— Тебе скоро двадцать, время надевать мужской венец совершеннолетия, а ты всё ластишься.
— Хоть она и журила меня, в её голосе звенела лишь безграничная нежность.

Её лицо покрывал искусный макияж, но под глазами всё равно виднелась лёгкая припухлость. В памяти всплыли ночные слова — она ведь и вправду никогда не считала меня обделённым умом.

В эту секунду я любил её сильнее, чем когда-либо в жизни.

— Я хочу кушать, — пролепетал я.

Служанки помогли мне умыться и одеться, а затем проводили в обеденную залу. За столом сидели матушка и какой-то юноша.

На вид ему было лет шестнадцать-семнадцать, но держался он на удивление степенно и серьёзно. Завидев меня, он радостно поднялся и тепло, немного смущённо улыбнулся:

— Брат!

Это был Чу Янь, мой пятый младший брат.

Когда в детстве я ещё толком не умел разговаривать, Чу Янь вместе с четвёртым братом вечно надо мной подшучивали. Но потом его родная матушка покинула этот мир. Чу Янь совсем запечалился, и я стал часто приходить к нему, чтобы поиграть. Он молчал как рыба, а я без устали болтал у него над ухом о всякой всячине. Постепенно он ожил, пришёл в себя и с тех пор стал липнуть ко мне как банный лист.

Отец-император отдал его на воспитание моей матушке, так что теперь он мог ходить за мной хвостиком с утра до вечера. Пожалуй, из всех братьев он был мне ближе всех. Но порой его навязчивость становилась сущим наказанием.

Вот как сейчас.

Чу Янь обхватил мою руку обеими ладонями и запричитал с притворной обидой:

— Брат, матушка сказала, ты ещё вчера вернулся во дворец, а ко мне даже не заглянул! Видно, совсем позабыл младшего братишку.

Я беспомощно посмотрел на матушку, умоляя выручить меня.

Матушка так и расцвела, глядя на наше согласие.

— Ну полно вам, давайте завтракать, — улыбнулась она, а затем повернулась к Чу Яню: — Янь-эр, ты должен присматривать за старшим братом, договорились?

Я хотел было вставить, что вообще-то старшие должны заботиться о младших, но брат уже горячо пообещал:

— Матушка, будь спокойна. Я всегда буду защищать брата и никому не дам его в обиду.

В этот миг он выглядел серьезнее, чем на уроках у великого наставника Сюя, когда тот заставлял его наизусть читать каноны.

Позавтракав, матушка ушла по делам. Едва за ней закрылась дверь, Чу Янь по старой привычке ткнул мне в плечо и негромко пробормотал:

— Брат, я так соскучился по тебе.

— Пусти, мне больно, — проворчал я.

Он тут же испуганно отпрянул. Я принялся баюкать покрасневшую кисть, и в памяти тут же всплыл вчерашний резкий удар Сюй Цинцзэ. На душу снова навалилась тяжёлая, липкая грусть.

Чу Янь тоже заметил багровую припухлость у меня на запястье. Вся весёлость с него мигом слетела, а голос стал непривычно глухим и грозным:

— Кто это сделал?

Не дожидаясь ответа, он с нажимом спросил:

— Это ведь Сюй Цинцзэ, да?

— Он не нароч...

— Нарочно! — отрезал Чу Янь. В его глазах промелькнуло что-то пугающее, чего я не мог понять. Взгляд его сделался тёмным и тяжёлым, точно глубокий колодец, куда не проникает свет. — Брат, да что в этом Сюй Цинцзэ вообще такого особенного?

Я послушно принялся размышлять над его вопросом, но задача оказалась слишком сложной. Не успел я додумать, как Чу Янь резко развернулся и ушёл.

Я растерянно замер на месте.

Как бы медленно я ни цедил слова, Чу Янь всегда слушал меня с величайшим терпением. Он никогда не торопил меня и не выказывал раздражения.

Почему же он теперь так рассердился?

Пока я ломал над этим голову, Чу Янь уже вернулся.

Всё с тем же грозным видом он усадил меня, достал из-за пазухи крошечный фарфоровый флакон и, набрав немного прохладного снадобья, бережно растёр по ушибленному запястью. Острая боль тут же сменилась приятным холодом. Так он, оказывается, ходил за мазью!

Зря я испугался. Брат по-прежнему был туча тучей, и я робко предложил:

— Хочешь, я отведу тебя поесть баоцзы? Только не сердись.

Он закончил обрабатывать ушиб, но мою руку так и не выпустил из своих тёплых пальцев.

— Я не сержусь, — мягко произнёс он.

Он вытащил из-за пазухи какой-то твёрдый предмет и вложил мне в ладонь.

Я посмотрел на подарок и от удивления даже заикаться начал:

— Т-ты... ты и вправду отыскал его!

Это была половинка гладкого голыша — снизу заострённая, сверху круглая, точь-в-точь половинка сердца. В прошлом месяце я подобрал похожий камешек и в шутку попросил брата отыскать ему пару.

Я поспешно вытащил из шёлкового мешочка у пояса свою находку. Обе половинки совпали до единой чёрточки. Стоило сложить их вместе — и на ладони легло безупречное каменное сердце.

В полном восторге я крепко обнял его за шею:

— Ты самый лучший! Самый лучший на свете!

Моя маленькая голова больше ни о чём не могла думать. Я заворожённо соединял обе половинки, любуясь ими, и без конца твердил, какой он хороший.

Хмурые брови Чу Яня наконец разгладились, губы тронула мягкая улыбка, а взгляд снова повеселел.

— Отныне, что бы тебе ни захотелось, я всё для тебя достану, — тихо пообещал он.

Чу Янь заглянул мне в лицо, ловя каждую мою реакцию:

— Только пообещай, что ты больше никогда-никогда не пойдёшь к Сюй Цинцзэ. Договорились, брат?